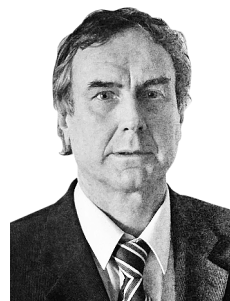

ЕГОРОВ Вадим Владимирович

Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 251-96-11
e-mail: philos@usue.ru

Ступени научной карьеры: история и современность

Ключевые слова: научная карьера; история и философия науки; статус ученого; степень доктора наук; университеты и звание профессора; академии и академики; российские адъюнкты и профессора; ученые степени и звания советского времени и современного общества; проблемы нострификации; репутация званий и ученых.

Рассматриваются проблемы научной карьеры в аспекте ученых степеней и званий, освещается история степени доктора и звания профессора, а также других ученых званий в России и за рубежом, анализируется положение ученого в прошлом и настоящем и его роль в преодолении кризисных процессов в науке и общественной жизни.

В представлении о научной карьере (от лат. *carrus* – повозка; жизненный путь, рост мастерства, статусное повышение) того или иного человека мы обращаем внимание не только на монографии, статьи, открытия или изобретения, факты научной биографии, но и, казалось бы, на такие внешние моменты, как ученые степени и звания. Между тем этот внешний момент есть и продукт научных изысканий, и, в некотором роде, их опора в будущем. Иными словами, это и следствие, и причина научного творчества ученых разных времен и народов. Поэтому и сама тема особенностей, тенденций, истории и современности ученых степеней и званий достойна стать предметом научного исследования.

Актуальность обновления научной жизни России при сохранении лучшего из прошлого требует своего рода инвентаризации прожитого и накопленного на сей день, освещения мирового опыта, истории бытия науки в организационном и содержательном отношениях. Тем более, что десять лет назад в нашей стране оформилась такая область знаний, как история и философия науки, со своими серьезными трудами, учебниками [1] и общероссийским курсом в институтах, университетах для соискателей и аспирантов.

В интересующей нас теме многое имеет свой философский ресурс, будучи связано с проблемами социального статуса, престижа, репутации, формы и содержания, традиции и новизны, науки как социального института и т. д. История науки и научной жизни общества через призму ступеней ученой карьеры поможет пролить свет на что-то неизвестное ранее. Надеемся, что в этом плане научная жизнь и деятельность общества, сообществ обретает новые аспекты и глубину освещения.

Рассмотрение темы ученых степеней и званий как темы философской, культурологической, обнаруживающей богатую историю, начнем с того, что русское слово «степень» созвучно слову «ступень», а также английскому *step* – шаг.

Издавна в русском культурном обиходе слово «степенный» означало размеренность, взвешенность, разумную неторопливость и кого-то заслуживающего уважения, признания. Обращение в дореволюционном российском обществе «ваше степенство» адресовалось не ученым, преподавателям, а купечеству. Известны три степени

посвящения в купцы – гильдии (хотя в конце XIX века третья гильдия была отменена). И «степенный» как постепенный, несуетный, поступательный жизненный подход и взгляд на мир субъекта умного, рассудительного, подчас даже мудрого, сохранял стабильность и прирост в его статусе, имуществе, активах.

Речь о «звании» возникала в России былого чаще всего в диалоге о месте того или иного лица в обществе и связывалась не со званием ученым, военным, не с гражданским (статским) чином, а с мерой знатности, известности фамилии, сословной принадлежностью. «Какого будете рода-звания, господа хорошие?» – вопрос весьма типичный еще столетие назад.

В истории ученой степени «доктор» (лат. doctor – учащий, учитель) этот термин, как и «магистр» (magister), во времена римской античности означал преподавателя. Что касается «профессора» как ученой степени и должности ведущих преподавателей и ученых (лат. professor – наставник, учитель), то сначала это наименование относилось к учителям-наставникам, учителям грамматических и риторических школ. В IV–V веках в раннехристианском Риме это слово было уже знакомо римскому обществу. Тем более, как и «доктор», оно было известно в Раннем Средневековье. На больших церковных собраниях звание «доктора советующего» (doctor consilis) получали обладавшие совещательным, но весомым голосом ученые советники.

Начиная с XII века термин «доктор» стал закрепляться как высокое и престижное звание для ученых, богословов. С 1130 г. это звание появилось в Болонском университете, присудившем титул «доктор права». Императоры давали университетам полномочия присуждать степень «доктора права» (doctor legum) **ученым, постигшим римское право**. Римские папы даровали университетам привилегию давать титул доктора канонического права (doctor canonium et decretalium), **но в дальнейшем обе эти разновидности права стали изучаться совместно, и обе степени соединялись в одну «доктор права», точнее – «доктор обоих прав» (doctor utrusque iuris)**. «Даровав университетам право возводить в степень доктора, – отмечается в легендарном энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона, – императоры и сами раздавали через своих придворных пфальцграфов дипломы на степень доктора. От привязанной к ним печати в капсуле (булла) получившие их назывались doctores bulati, в отличие от doctores ritepromoti» [2], удостоившихся докторской степени в университетах.

В XIII–XIV веках докторские степени стали даваться ведущими университетами средневековой Европы. В 1231 г. степень доктора была впервые присуждена Парижским университетом. Видные ученые мужи, особенно схоластики, именовались докторами с добавлением неких отличительных эпитетов. Дошедшие до нас почетные титулы выдающихся философов и теологов средневековья таковы: Doctor angelicus (ангельский доктор) Фома Аквинский; Doctor singularus (единственный доктор) Уильям Оккам; Doctor mirabilis (чудесный доктор) Роджер Бэкон; Doctor subtilis (**тонкий доктор**) Иоанн Дунс Скот; Doctor universalis (всеобъемлющий доктор) Альберт Великий [3].

Профессорами именовались преподаватели первых европейских университетов, возведенные в степень доктора или магистра. В 1527 г. профессором Базельского университета стал доктор медицины знаменитый алхимик и врач Филипп Парацельс. Процесс появления профессоров, докторов, магистров, как говорится, пошел. Ученые степени присуждались по философии, богословию, логике, физике, медицине, праву и т. д.

Новое время вносит, закрепляет свои акценты по части ученых степеней и званий. Докторское звание становится к XVII веку высшей ученой степенью, которую можно было обрести лишь после достижения степеней бакалавра (лиценциата) и магистра.

Докторская и магистрская степени (ведь magister – тоже учитель) долгое время были близки, даже разнзначны. Только в XVI веке на юридическом, медицинском, богословском факультетах предпочтение получила докторская степень.

Философы, предшественники которых были некогда в числе пионеров получения докторства, предпочитали именоваться магистрами. В «Фаусте» Гете (действие поэмы относится ко второй половине XVI века) Фауст, озирая мысленно свою жизнь, произносит: «Магистр и доктор я!» (хотя, казалось бы, первое здесь лишнее). Но наличие у Фауста обеих степеней свидетельствует все же, что иерархия имеет место быть. В XVII веке философские факультеты университетов признали приоритет степени доктора. По законам, лица, получившие степень доктора, приравнивались к дворянам и становились таковыми. Докторские диссертации кропотливо писались, обсуждались и оценивались, но не во все времена публично защищались. В XVIII столетии защита диссертаций была утверждена в ее публичном виде и закреплена в уставах университетов. Распространилась система научного консультирования и руководства работой молодых со стороны маститых опытных ученых. Если степень доктора имели профессора, стоящие во главе университетских кафедр и факультетов, ректоры или председатели научных сообществ, то степень магистра имели преподаватели кафедр (адъюнкты, лекторы, приват-доценты) и инспекторы. Были также лиценциаты, бакалавры, которые научную работу сочетали с преподаванием в университете на низших и подготовительных курсах.

В XIX–XX веках в английских и многих других европейских, американских университетах утвердилась единственная настоящая ученая степень доктора философии (*doctor of philosophy*) с общепринятым затем сокращением «пи эйч ди» (*Ph. D.*), присуждаемая не только по философии, но и по физике, математике, биологии, истории, филологии и другим естественным и гуманитарным областям исследований. Эта степень полтора века назад стала равной примерно российскому дореволюционному магистру или нашему современному кандидату наук. Ведущие зарубежные ученые имеют возможность поднять уровень своей ученой степени, пройдя испытания по совокупности опубликованных ими и получивших признание трудов на статус доктора – доктора (*doctor – doctor*), или доктора наук (*Sc. D.*). Первые русские ученые, получившие ученую степень доктора, добились этого за границей. Так, в 1694 г. степень доктора медицины и философии итальянского Падуанского университета получил П. В. Постников, выпускник Славяно-греко-латинской академии, переводчик, дипломат посольств Петра Великого. В 1767 г. степень доктора права шотландского Глазговского университета получил С. Е. Десницкий, вскоре ставший профессором основанного М. В. Ломоносовым (в январе 1755 г.) Московского университета. В 1767 г. степень доктора медицины Страсбургского университета была присуждена русскому естествоиспытателю, будущему академику Санкт-Петербургской императорской академии наук И. И. Лепехину. В 1764 г. первый русский академик и профессор М. В. Ломоносов направил на рассмотрение императрице свой проект высочайшего указа о предоставлении Московскому университету и Академии наук права производить наших ученых «в магистры и докторы». Предложения М. В. Ломоносова тогда приняты не были, но именно они послужили в дальнейшем основой для осуществления на сей счет царских и правительственных решений. Московский университет получил право присуждать докторские и магистерские степени указом Екатерины Второй в 1791 г.

Первым российским доктором, получившим ученую степень у себя на родине, стал Фома Иванович Барсук-Моисеев, защитивший в 1794 г. диссертацию «О дыхании» и удостоенный степени доктора медицины и философии. В наименовании ученых степеней слово «философия» как имя «родоначальницы наук», «науки наук» и тогда присутствовало часто, но Ф. И. Барсук-Моисеев был действительно ученым-медиком, врачом и философом, автором целого ряда опубликованных трудов, в том числе «О превосходном блаженстве человеческом; философское рассуждение, Священным Писанием подкрепляемое» (1785), «Медицинская практика или наставление лечить болезни, по большей части случающиеся в общежитии» (перевод, 1789), «О дыхании»

(1794), «Физиология или наука о естестве человеческом» (перевод, 1796), «Туртелева гигиена» (перевод, 1809). В Московском университете экстраординарный профессор и надворный советник Ф. И. Барсук-Моисеев преподавал медицину, физиологию и философию с 1795 г. до своей кончины в 1811 г. Но еще до него начало университетскому философскому образованию и философии как российской академической науке положил Н. Н. Поповский, выпускник Петербургского академического университета, ученик М. В. Ломоносова, магистр философии (1753), профессор элоквенции (красноречия) Московского университета (1755–1760). В своем сочинении «О пользе и важности теоретической философии» (1755), прочитанном автором на торжественном открытии Московского университета «в генваре» 1755 г. [4]. Н. Н. Поповский смотрел на философию как на «изображение храма Вселенной», отмечая и ее «нравственное значение преимущественно действовать на людей, отпавших от Бога», критиковал засилие в философии латыни и подчеркивал необходимость философского образования на русском языке. «Нет, – писал Н. Н. Поповский, – той мысли, коей бы по-русски изъяснить было невозможно». В стихотворном обращении к графу И. И. Шувалову «Письмо о пользе наук и воспитании в оных юношества» (1756, опубл. в 1772) Н. Н. Поповский доказывал необходимость научного образования, его распространения в России.

Таким образом, первым русским обладателем философской и вообще научной степени стал П. В. Постников. Но с научной деятельностью он свою жизнь не связал, занимаясь только переводами и приобретением полезных иностранных книг. Первыми русскими учеными-философами и первыми университетскими преподавателями и профессорами философии стали Н. Н. Поповский и Ф. И. Барсук-Моисеев. Все они вышли из духовного сословия, будучи пожалованы в дворяне вместе со своим ученым званием. В европейских университетах магистры, доктора, профессора возводились в дворянское достоинство, случалось, что и получали аристократические титулы, будучи выходцами из разных сословий, из семей священников, церковнослужителей. Научная карьера была в этом смысле, выражаясь современным языком, серьезным фактором, «лифтом» вертикальной социальной мобильности даже в прежнем сословном обществе.

В начале XIX века в России начинается история регулярного присуждения ученых степеней. Императорским указом Александра Первого от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» право присуждения ученых степеней закреплялось за четырьмя университетами Российской империи – Московским, Дерптским, Казанским и Харьковским. «Никто, – отмечалось там же, – не может быть профессором, не став прежде доктором, и адъюнктом, не имея звания магистра, кроме россиян и иностранцев, определяемых по особой известности в ученом свете». В 1804 г. у в уставах университетов были закреплены звания ординарного, т. е. полного штатного, профессора и экстраординарного (пониже первого) профессора, а также адъюнкта – адъюнкт-профессора (от лат. *adjunctus* – присоединенный), т. е. заместителя, или «товарища», профессора. Там же был прописан раздел «Об испытаниях и производстве в университетское достоинство». Так разворачивалась подготовка и аттестация российских научных работников. Затем ученые степени стали присуждать Виленский, Варшавский, Киевский и Санкт-Петербургский университеты. Необходима была доработка требований и процедуры присвоения ученых степеней, говоря современным языком – подготовка научных кадров.

В 1819 г. было принято обязательное для всех высших учебных заведений России «Положение об ученых степенях», закреплявшее все ступени учености: действительный студент, т. е. обыкновенный выпускник вуза; кандидат, т. е. нечто вроде краснодипломника с правом на аспирантуру; магистр – ранг современного кандидата наук; доктор наук. Допускались до занятий научной работой только кандидаты, каковыми могли стать и обыкновенные выпускники (не раньше, чем через год после окончания и прошедшие экзаменованье). Настоящие экзамены их ждали впереди. Требовались новые научные кадры, но только самые достойные могли стать ими. Иначе говоря,

количественный рост оправдан лишь тогда, когда ведет он к новому позитивному качеству. Всякая гонка за количеством, профанация воспринимались как вредоносные делу просвещения и наук российских. Престиж науки и ученых все возрастал. Перед публичной защитой магистерской и докторской диссертации (диспутами) соискатели степени (диспутанты) сдавали новые экзамены. Необходимо было ответить не на один десяток, а то и больше, чем на сотню, вопросов, специально подготовленных профессорской коллегией. Контроль за сдачей данных экзаменов возлагался на Министерство просвещения. Далее осуществлялась защита с жесткими атаками официальных оппонентов (возражателей), других профессоров и магистров, а также всех желающих и как-то сведущих в этом, вплоть до наиболее азартных и жадных до нового студентов старших курсов, которые не смущались задавать диссертанту поистине головоломные вопросы. О защитах извещалось в печати. Позднее экзамены для соискателей степени доктора наук были отменены. Диссертационные работы литографировались, издавались в виде монографий и статей в «Ученых записках» и т. д. Конференции в их нынешнем значении и опубликование их тезисов вплоть до начала XX века было делом редким, но научные командировки по стране и за границу, стажировки, консультации были в порядке вещей. Последующие положения, касающиеся ученых степеней и званий, диссертационных защит, принимались в дореволюционной России в 1837, 1844, 1864, 1884 гг., некоторые детали дорабатывались вплоть до 1917 г. и смены эпох.

Примечательно, что через полвека с начала присуждения российскими университетами ученых степеней доктора и магистра (к середине XIX века) они оказались выше на целую ступень своих зарубежных аналогов, и лица, получившие докторскую степень от западноевропейских университетов, допускались не раньше, чем через год, к испытаниям по переводу в российскую магистерскую степень. Так, В. О. Ковалевский, русский геолог, основатель палеонтологии, муж первой в мире женщины-профессора великой Софьи Ковалевской, получивший степень доктора (Ph. D.) в Йенском университете в 1873 г., провалился на попытках получить степень российского магистра в Одессе. Только в 1875 г. он с трудом взял этот барьер, получив степень магистра минералогии Санкт-Петербургского университета.

Докторские степени после защиты диссертаций утверждались министром просвещения, как и звание профессора. Аджюнкты и сменившие их в 1863 г. доценты утверждались ректором или попечителем учебного округа. В 1884 г. доцентов сменили приват-доценты, а в медицине присуждать степень магистра перестали. В медицинской науке карьерный путь пролегал с этих пор от доктора до ... доктора, т. е. от доктора как квалификации отличного врача (остальные – лекари, хоть ко всем обращались «доктор») до степени доктора медицины. Докторская степень в медицине снизилась, иерархически заняв свое место между прежним ее уровнем и ушедшей в прошлое степенью магистра. Моральный авторитет, да и материальное обеспечение доктора медицины были, однако, очень высоки. В начале XX века доктора медицины считали большой честью не только стать профессором, но даже и приват-доцентом медицинского факультета. Даже имевшие большую частную практику. Можно вспомнить здесь хотя бы рассказ «Попрыгунья» А. П. Чехова, где защитивший диссертацию доктор Дымов хотел добиться научно-преподавательского места и пройти в приват-доценты. В России, как и за рубежом, в знак признания особого вклада того или иного лица в науку, культуру присуждались и степени почетного доктора без защиты диссертации и прочих испытаний, так называемый доктор «хонорис кауза» (лат. honoris causa – ради чести). Такая степень, была присуждена в 1910 г. польскому (в ту пору и российскому) писателю Г. Сенкевичу, в 1890 г. правоведа А. Ф. Кони. В 1893 г. Кембриджский университет избрал почетным доктором П. И. Чайковского, в 1907 г. А. К. Глазунова.

За достижения в науке и образовании профессора Российской империи со степенью доктора наук и двадцатипятилетним стажем могли получить почетное звание

«заслуженный профессор» и удостоиться чина действительного статского советника (гражданский чин империи, равный генерал-майору) или даже тайного советника (генерал-лейтенанта, чаще, но не обязательно, если академик или ректор). В основном же в дореволюционное, особенно последнее, время доктор наук и ординарный профессор имел чин статского советника (средний между полковником и генералом, но все же не генерала), доктор наук и экстраординарный профессор имел и чин коллежского советника (гражданского полковника), адъюнкты и приват-доценты со степенью магистра – чин коллежского асессора или надворного советника (гражданского майора или подполковника). Ректоры российских университетов и директора научных институтов получали чины тайного или действительного статского советников. В военных академиях профессора и доктора тоже были полковниками или генералами. В «Скучной истории» А. П. Чехова главный герой Николай Степанович, профессор медицины и тайный советник, в торжественные моменты надевает ордена, медали, но студенты его не любят и, смеясь, зовут «иконостасом». Профессорско-преподавательский состав не так уж редко (не то что в наши дни) награждался орденами св. Анны (на шею и в петлице), Владимира, а также Станислава со звездой. Так или иначе, несмотря на всю иерархичность, бюрократическую вертикаль лиц и институтов российского дореволюционного Министерства просвещения, профессор и доктор наук, пусть не по кругу подхалимов и властному ресурсу, но по чину табели о рангах, мог быть равен не только, скажем, ректору, но даже и «товарищу» (заместителю) министра.

Что касается почти культового в нашей стране, как и в ряде других стран, звания академика, то история его восходит к Платону и основанной им знаменитой античной философской школе, собиравшей своих участников и учеников в живописном саду, названном именем легендарного греческого персонажа – полубога Академа. Отсюда термин «академия» с постоянными ее участниками-академиками. Нетрудно догадаться, как велик был авторитет не только самого Платона, но и его окружения, если память о них прошла через века. В новом виде в VIII–IX веках «возродил» (в действительности основал уже свою, дворцовую) академию франкский император Карл Великий, собравший в ней звездочетов, математиков, врачей, философов и богословов, историков, поэтов. Возглавляли академию придворные ученые Алкуин, затем Рабан (мавр по происхождению). Там были даже культурологи, этнографы, филологи, решившие создать своего рода энциклопедию народной культуры, песен и пословиц. И авторитетная экспедиция членов академии и их сподвижников, помощников отправилась «в народ» по франкским деревням и селам. Но с самого начала все пошло не так. На призыв благопристойных академиков вспомнить и исполнить песни своей юности и все из быта предков какие-то «женщины со спутанными волосами» стали петь такие песни и разные «частушки», что выдавшие виды академики были ошеломлены. Наверное, это все было «покруче» даже куплетов и стихов жившего позднее российского скандального поэта и «академии адъюнкта» И. С. Баркова. На этом все и кончилось, Карл Великий «прикрыл лавочку».

В 1560 г. в ренессансном Неаполе начала свою деятельность Академия тайн природы, объединившая серьезных и известных тогда ученых. А в 1635 г. при Людовике XIII и кардинале Ришелье была основана Французская академия, всегда объединяющая сорок своих членов (академиков), так называемых «бессмертных» (*immortels*). В 1666 г. при Людовике XIV возникла Парижская академия наук и еще три академии, образующих Институт Франции.

В России Императорская Академия наук была основана Петром Великим в 1725 г. для «развития наук российских». Для начала император пригласил в страну многих ведущих иностранных ученых, чтобы в дальнейшем когорту и своих русских ученых создавать и им за их деяния «градус академика давать». Среди приехавших на русскую службу и ставших академиками иностранцев («немцев») были швейцарские

математики и механики Л. Эйлер, Д. и И. Бернулли, французский астроном и картограф Ж. Делиль, немецкий физик и математик Г. Крафт и др. Первым академиком из русских стал в 1745 г., как известно, М.В. Ломоносов – великий русский ученый. В дальнейшем академиками стали русские ботаники и географы С.П. Крашениников и И.И. Лепехин, астроном и математик С.Я. Румовский, географ и этнограф В.Ф. Зуев и др. На пути к академику стояло звание адъюнкта, а позднее и сравнявшееся с ним звание член-корреспондента академии наук. В XIX – начале XX века полные академики именовались ординарными (или просто академиками), в отличие от экстраординарных академиков. Кроме академиков – действительных членов избирались и почетные члены академии. В почетные члены академии избирались августейшие особы на безальтернативной основе, например: великий князь Константин Романов (поэт К.Р.), ставший в 1890–1900 гг. президентом Российской Академии наук; политики и высшие чиновники А.М. Горчаков и С.Ю. Витте; знаменитые путешественники И.Ф. Крузенштерн и Н.М. Пржевальский, П.П. Семенов–Тянь-Шанский; российские и иностранные ученые, писатели, литераторы (Д. Дидро, В.И. Даль, В.В. Стасов и др.). Однако серьезные ученые предпочитали быть в числе не почетных, а действительных членов академии. Владимир Иванович Даль работе над своим беспрецедентным по охвату лексического материала в 200 000 слов «Толковым словарем живого великорусского языка» отдал полвека своей жизни. Академия в лице ее президента, руководства благосклонно отнеслась к идее избрания академиком доктора медицины и языковеда, член-корреспондента и за другие полезные труды, но вакансий в ту пору не было. Известный историк, тайный советник и кавалер, академик М.П. Погодин заявил, что ради создавшего титанический труд и осуществившего настоящий научный подвиг В.И. Даля он «да и другие» готовы даже «выйти из академии» и ждать вакансии сколько угодно. Прошло время, и Даль был избран ... почетным академиком. «Владимир Иванович, Вы как будто и не рады. Это звание, пожалуй, даже и повыше, чем просто академик». «Знаете, – ответил Даль, – разница между академиком и почетным академиком такая же, как между „государем“ и „милостивым государем“!» Остроту эту приписывают и востоковеду, лингвисту Д.А. Хвольсону, но вряд ли это так, поскольку Хвольсон-старший был только членкором, но не почетным академиком. Эту фразу под подобострастный хохот зала преподнес в недавнем прошлом как свой экспромт мэр Москвы Ю.М. Лужков на вручении ему диплома почетного члена одной из международных общественных академий. В дни столетнего юбилея А.С. Пушкина в 1899 г. Академия наук учредила звание почетного академика «по разряду изящной словесности» каковыми в дальнейшем стали П.Д. Боборыкин, И.А. Бунин, В.В. Стасов, А.Ф. Кони и др. Избраны были (1900) и не принявший это звание Л.Н. Толстой и отказавшийся от него (1902) А.П. Чехов в знак протеста на признание недействительными выборы «политически неблагонадежного» А.М. Горького (независимая, непреклонная Академия наук все же нехотя уступила, ведь окрик по поводу А.М. Горького исходил от самого царя). Иногда неизбранными в академики оказывались и самые достойные этого звания ученые, как, например, член-корреспондент Д.И. Менделеев. Неизбрание А.Г. Столетова член-корреспондентом Академии наук омрачило последние годы жизни выдающегося русского физика, одного из основателей квантовой физики. О непреклонности, подчеркнутом объективизме, фанатичной принципиальности академической среды и в то же время их подчас причудливом смешении с субъективизмом талантливо написал французский классик А. Додэ в романе о претендентах в академики «Бессмертный».

В Императорской Академии художеств звание академика присуждалось за талантливые картины, скульптуры, архитектурные и градостроительные проекты. Это звание, как редко бывает, по статусу было ниже звания профессора, но художники им дорожили. Получившим за свое творчество золотую медаль Академии молодым художникам давали звание «классного художника» и командировали в творческую, так называемую

«пензионерскую» поездку за границу, в основном в Италию с реальной перспективой стать «назначенным», т. е. кандидатом в академики. Если академик живописи желал преподавать, то он мог претендовать на звание адъюнкта (адъюнкт-профессора) и коллежского асессора или даже надворного советника. Действительные члены появились в Академии художеств с принятием Устава 1893 г.: А. И. Куинджи, И. Е. Репин, В. И. Суриков, И. И. Шишкин, Л. Н. Бенуа и др. Почетными членами Академии художеств были И. К. Айвазовский, Ф. П. Толстой, С. Г. Строганов и другие выдающиеся художники, августейшие особы и видные государственные деятели.

Русские именитые профессора и академики на родине и за границей цену себе знали, но в общении, обиходе вели себя естественно, демократично. Они любили называть друг друга в письмах «вашим превосходительством», но из взаимного почтения и взаимной доброй самоиронии умных людей. Они, обмениваясь своими творческими идеями, и на почтовых конвертах писали адресату «его превосходительству», чтобы письмо не затерялось в пути. Однако чинопочитание у них было не в ходу. Так, незадолго до Октябрьской революции на пороге кабинета нового в ту пору президента Академии наук А. П. Карпинского появился в парадной форме довольно молодой генерал и, вытянувшись, щелкнув каблуками, отрапортовал: «Ваше высокопревосходительство, Академии действительный член и флота генерал-лейтенант Крылов по Вашему приказанию...». «Добрый день! – приветствовал в ответ академик Карпинский академика Крылова. – Я много слышал о ваших, Алексей Николаевич, работах по механике, судостроению. И рад нашей встрече. Только уж по стойке „смирно“ передо мной, голубчик, пожалуйста, не стойте. И „высокопревосходительством“ уж не зовите тоже. А называйте просто по имени-отчеству, Александром Петровичем» [5]. И такую демократичность, простоту и непомерность представлявшие собой цвет русской науки и культуры люди так или иначе передавали молодым коллегам и ученикам.

В первые месяцы после Октябрьской революции вышли декреты Совнаркома РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», «Об отмене прежних дипломатических рангов, царских орденов и воинских званий», «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики». В последнем говорилось об отмене «впредь до издания нового положения» ученых степеней доктора и магистра, разделения профессоров и академиков на ординарных и экстраординарных, а также об отмене приват-доцентов (потом ввели доцентов) и об объявлении всероссийского конкурса на должности профессоров и преподавателей. Вместо подписи Председателя Совнаркома В. И. Ленина, болевшего тогда после покушения, стоят подписи заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского и управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича. В первые годы советской власти были организованы Социалистическая Академия общественных наук (позднее – Коммунистическая Академия), Государственная Академия художественных наук (ГАХН), Академия материальной культуры (АМК) со своими членами, изданиями, институтами и филиалами, но просуществовали они до середины 1930-х годов.

В 1925 г. Российская Академия наук была реорганизована в Академию наук СССР, так она именовалась, как известно, на протяжении всей советской истории. С досоветского времени и до конца жизни (1936 г.) президентом Академии был выдающийся русский геолог, минералог академик А. П. Карпинский. В списке почетных академиков АН СССР были И. В. Сталин и В. М. Молотов. В союзных республиках, ныне независимых государствах, создавались академии республик. Всероссийская Академия художеств стала действовать как вуз, вплоть до создания Академии художеств СССР в 1947 г. В 1930–1940-е годы были созданы «отраслевые» академии, в их числе Академия медицинских наук, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ, в наши дни РАСХН), Академия архитектуры, Академия педагогических наук (ныне Академия образования), Академия художеств. Войти в число членкоргов,

а тем более действительных членов этих академий было необычайно трудно. Количество вакансий строго ограничивалось, поблажки даже высшим государственным или партийным деятелям, за редчайшими исключениями, отсутствовали. Именно по этой причине и уже потом из-за больших зарплат авторитет академика в СССР был очень высок. Хочется вспомнить имена членов российских академий, олицетворявших их работу в XX веке: С. П. Королев (АН СССР), Н. Н. Бурденко (АМН), Н. И. Вавилов (ВАС-ХНИЛ), А. В. Щусев (АА), В. А. Сухомлинский (АПН), Е. В. Вучетич (АХ).

В 1934 г. постановлением правительства в СССР были установлены ученые степени: доктор наук и кандидат наук. Вскоре была создана Высшая аттестационная комиссия СССР (ныне – ВАК России), присуждающая степень доктора наук за крупный вклад в науку, открывающий новое научное направление, и утверждающая защищенные кандидатские диссертации, представляющие собой содержащее научную новизну самостоятельное завершённое исследование. С 1931 г. за заслуги в области науки ученым начали присваивать и почетное звание заслуженного деятеля науки. В 1940 г. степень доктора наук была присуждена ряду крупных советских ученых, в том числе ученому-фортификатору Д. М. Карбышеву, экономистам Б. С. Островитянову и Т. С. Хачатурову, авиаконструкторам Н. Н. Поликарпову и П. О. Сухому, философам В. Ф. Асмусу и В. С. Кружкову, психологу А. Н. Леонтьеву и др. В годы Великой Отечественной войны ученые степени и звания продолжали присуждаться. В дальнейшем, в 1950–1980-е годы, учеными академической и вузовской науки через их монографии и диссертации в мир пришло много нового, оригинального и даже революционного. Образ советского ученого запечатлен в фильмах «Все остается людям», «Девять дней одного года», «Выбор цели», «Укрощение огня», став составляющей образно-ментального мира советской эпохи [6. С. 152]. Нередко работа над докторскими и даже кандидатскими исследованиями получала признание в виде Государственных и Ленинских, а также самых строгих и высоких международных премий. Многие российские ученые получили всемирное признание. В последнее время советской эпохи началась гонка за количеством научных тем и монографий, докторов и кандидатов. Все как будто забыли про «лучше меньше да лучше», ибо две монографии не всегда лучше одной, а количественный рост не всегда ведет к переходу в новое положительное качество. Ставилась цель – все вузовские работники и институтские научные сотрудники должны писать (и написать) кандидатскую диссертацию, а те заведующие кафедрами, секторами, отделами, кто еще не доктор наук, хотя бы для отчетности обязаны работать над докторской диссертацией. До выполнения этого замысла далеко и ныне. Многих замечательных, творческих, но при этом неамбициозных в карьерном отношении профессионалов высшая школа и наука потеряли. Делать науку и делать диссертацию не всегда одно и то же. Надо бы оставить таким профессионалам возможность и истинную радость за скромную зарплату заниматься любимым делом, внося свою лепту в прогресс науки и высшего образования. Одно дело приветствовать, другое – заставлять повышать уровень так называемой «остепененности». Настоящая хорошая диссертация – это не штамповка, а штучная работа. Научное творчество – это таинство, и в часы, минуты вдохновения понимаешь, что их не «...променяешь даже на корону персидского царя» (Архимед).

Когда в науке и искусстве руководители, чиновники начинают гнаться за количеством – будь это даже количество медалей ВДНХ–ВВЦ (в спорте и на производстве – можно, даже очень нужно), то это выхолащивает самую суть данных видов творчества. Так появляются бездарные научные работники, никчемные завлабы, безголовые и бездушные певцы.

В СССР с населением 275 млн чел. к роковым для него 1990-м годам работали 960 высших учебных заведений, несколько тысяч научных (в том числе академических) и проектно-конструкторских институтов, в штате которых было около 30 000 профессоров, около 40 000 докторов и более 450 000 кандидатов наук. На рубеже 1980–1990-х годов

в научных институтах, помимо должностей старшего и младшего научного сотрудника, были введены еще три. Сформировалась такая иерархия: младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник и главный научный сотрудник. В вузах, как и ныне, оставались должности ассистента, старшего преподавателя, доцента и профессора. Для равновесия обсуждалась должность то ведущего доцента, то «всесоюзного» профессора, но с крушением СССР всем стало как-то не до этого.

На 2009 г., по данным Госкомстата России, ученую степень доктора наук имели 25 295 исследователей [7]. Поскольку к исследователям статистика относит только лиц, ведущих научные исследования и исследования и разработки, то логично полагать, что общее число докторов наук в стране значительно больше. Возникавшие на рубеже XX и XXI веков (в связи с присоединением России к Болонскому процессу) суждения о переходе с двухступенчатой на одноступенчатую систему под влиянием аргументов сохранить две наших степени, судя по всему, канули в лету. Согласно ряду соглашений, международных документов, таких как Международная стандартная классификация образования (МСКО), Доклад Исполкому ЮНЕСКО от 12 февраля 2012 г. «Глобальная система образования», двухуровневая (двухступенчатая) система ученых степеней признана 198 странами мира. И без того Россия слишком многое в разных вопросах переняла у Запада, что обратно отыграть уже нельзя. Всем не желающим заниматься многолетней подготовкой докторской диссертации, остановив свои диссертационные мучения на обладании ученой степенью кандидата наук (равной зарубежной Ph. D. и конвертируемой в такого рода «докторство»), сегодня избежать этого не составляет никакого труда. Можно по научному обмену, стажировкам или сугубо по своей воле отправиться штурмовать научные высоты почти в любую страну мира. Тогда как и крупные зарубежные ученые, профессора, изъявляя стойкое желание добиться российской степени «большого доктора» (Grand Doctor, Grand D.Phil. или = Doctor-doctor), могут сделать это через «ваковскую» процедуру нострификации (признания) по совокупности трудов и прочих утвержденных международных и российских процедур. Звание российского профессора, ранг и авторитет которого в России велик, требует подтверждения, конкретной оценки характера и масштабов вклада, что, как и всякое стоящее дело, требует серьезного и профессионального подхода. В этом деле, как и в определении межгосударственных границ: приезжать учиться и работать – пожалуйста, но ни пяди родной земли). Защищаться по российским правилам, если работа этого достойна, – пожалуйста. В ранге кандидата наук и доктора нострификация много проще, хотя и здесь есть но: наш кандидат наук проходит через горнило диссертационного совета в двадцать, а не три–пять профессоров и утверждается (и там еще идут проверки) российским государством. Конечно, русские – народ не жадный, но хоть оцените нашу доброту. В сопоставлении нашего звания доцента и зарубежного адъюнкт-профессора обмен регалиями как будто выгоден для нас (какой доцент не хочет стать «профессором», пусть и «асошиэйтед»), на деле же этот ранг довольно часто ниже ранга нашего доцента. И вообще, за рубежом обращение «профессор» может быть слишком далеко от нашего ему аналога, как далек мэр столицы от мэра маленького городка. Всякое небрежное отношение наших сограждан к своей стране, ее престижу, интересам может таким образом, пусть и опосредованно, нанести урон им самим. В поднятой нами проблеме многое требует не только серьезной правовой проработки, но и строгих, философски взвешенных подходов и решений.

В российских вузах, да и в научных учреждениях появилось много новых чиновничьих должностей и занявших их людей, приходящих на эту работу подчас со своей «командой». Будучи чаще всего средних лет отставниками и «отставницами» федеральных или региональных властных структур, они копируют престижные только для них и презируемые обществом манеры поведения и нравы своей административной

«альма матер». Некоторые из них имеют степени не ниже или даже выше (не говоря уж о зарплатах), чем настоящие ученые. Приходя со стороны со своей командой эти уже «едущие с ярмарки» молодые еще люди блокируют собой перспективу вертикальной карьерной мобильности для остальных вузовских кадров. Они стали очень на виду и в лучах местных «юпитеров» видят лишь свое начальство, пока то «на коне» и в силе. Эта «вставная челюсть» вуза вольно или невольно встает как бы выше масляных профессоров, не говоря уж о доцентах. Для них профессор – это не вселенная, автор того-то и того-то, а в «лучшем случае» сотрудник некой структуры-подструктуры и существо, далекое от настоящей жизни. Примерно так же думало об И. С. Бахе начальство филармонии, где он работал капельмейстером, совмещая это с исполнением обязанностей органиста в местной лейпцигской церкви [8. Гл. 8]. Профессор, пусть и не так проникновенно, как великий Бах, но иногда, говорит с Богом, мирозданием (!) на понятном друг другу языке. Он, как и шахматный гроссмейстер, высок не административной высотой, а мастерством. Высотой и глубиной своего посвящения в тайны мира. Иными словами, он субъект не столько вуза, института, сколько мироздания, его кавалер и тайный советник.

Ненастоящих обладателей ученых степеней и званий видно сразу, и ничто их не спасает, даже деньги. Они могут знать даже что-то неизвестное ученому, но, как гласит китайская поговорка: «Много книг прочитаешь – профессором не станешь!». Конечно, есть и в научный мир случайно попавшие, волей обстоятельств, но они, уж если им опять же волей обстоятельств не повезло занять какой-то властный пост, давно переменили области науки, высшей школы на что-то более сподручное и сытное. Настоящие фанаты футбольных клубов давно и метко окрестили тех, кто по каким-то причинам под них маскируется, «мясными». И вправду, «мясной» – мирской, приземленный, чуждый эйфории от иных миров. Наверное, более метко не скажешь!

Заканчивая эту статью, автор случайно в интернетных новостях 26 марта 2013 г. РСН, РБК и других источниках прочитал недавние высказывания Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева. На встрече с аспирантами в Долгопрудном премьер признал, что «...у нас защиты диссертации превратились в элемент чиновничьей карьеры, чего нет ни в одной стране мира». Конечно, правильно, что премьер считает неправильным стремление политиков, бизнесменов и госслужащих защищать диссертацию из карьерных соображений. И подчеркнул, что именно поэтому отказался от написания докторской. На совещании по совершенствованию системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров премьер сказал: «В настоящее время к защите кандидатских и докторских диссертаций все более стремятся политики, бизнесмены и госслужащие. В советской „системе координат“ это было важно, но сейчас это воспринимается как ординарная часть карьерной лестницы. Это абсолютно ни к чему». Однако следует вспомнить, что в советское время ученые степени поощрялись далеко не всегда. Если зампред облисполкома или секретарь обкома, горкома партии вдруг защищал кандидатскую (о докторской тогда не шло и речи), он сильно рисковал своим местом, так как мог быть «переведен на другую работу» – за то, что не всего себя отдавал работе, отвлекаясь на другое.

Сегодня ученая степень, даже докторская, воспринимается обычным эпизодом карьеры потому, что мало кто верит в авторство данного начальника. Если диссертация, особенно докторская, не сделана кем-то другим на заказ, если она не плагиат, не компиляция, а написана защитившим ее собственноручно, то рядовым фактом биографии она быть не может. Сколько талантливых ученых работали и работают всю жизнь с кандидатской степенью, делая главные доклады на международных конгрессах, или имеют профессора без доктора, а у номенклатуры все «в комплекте». В роскошно изданных томах типа «Кто есть кто» эти ученейшие деятели руководства записаны не только как доктора, профессора, но и как академики общественных международных и российских

академий, и на груди их вместе с госнаградами красуются какие-то почти «мальтийские кресты» с лучами и мечами.

По словам премьера, в большинстве современных государств для признания в бизнесе и успехов в политике не обязательно защищать диссертацию. Насчет большинства в таком вопросе вынести оценку нам не представляется возможным, но учеными степенями зарубежные министры и сенаторы хвалятся не так уж редко. Только вот факт диссертационного плагиата или заказа при обнаружении карается там жестко, гласно, невзирая на персоны и без срока давности. В начале 2013 г. плагиат был обнаружен в диссертациях высших государственных чиновников ФРГ, в том числе экс-министра образования и науки. И хотя диссертации были защищены еще в прошлом веке, плагиаторов лишили не только степеней, но и их постов. Рассматривается тема дальнейшего ужесточения наказаний за подобную научную деятельность, вплоть до астрономических штрафов и тюремного заключения, а если в судебном порядке будет установлено, что от фальшивой ученой степени зависит карьерный рост, то доход от этого надо будет вернуть в кратном размере. Премьер Д. А. Медведев отмечает, что конечно лучше, если диссертация была защищена до прихода на государственную должность, в бизнес и политику. Но события последнего времени у нас и за рубежом служат предостережением нечистым на руку диссертантам насчет их государственной карьеры или выхода в публичные персоны, ведь риск попасться на крючок неумолимых блоггеров, политических и прочих оппонентов и судебных инстанций становится больше и неотвратимее. Д. А. Медведев призвал институты и университеты разрабатывать и активнее совершенствовать интернет-программы по выявлению недобросовестных диссертаций, не жалеть сил и даже средств на их внедрение. Были и пожелания блоггерам разоблачать поддельные диссертации и их обладателей, вузовской и научной общественности бескомпромиссно объявить войну этому недугу. Если ситуация по злоупотреблениям в диссертационных делах не изменится, то науку, по утверждению премьера, ждет деградация. Да, так оно и есть, но и первые лица страны должны проявить политическую волю к достижению означенной цели.

Научные, вузовские работники – это люди, в основном, с острым взором и надолго сохраняющимся аналитическим умом. Далеко не всех сломил пресловутый административный ресурс и вирус готовности всегда брать «под козырек». А в хороших делах (тех, что не для галочки) с инициативой, как снизу, так и сверху, они готовы проявлять настоящую самоотверженность. Они служат делу даже тогда, когда с них его не спрашивают, не по своей «зацикленности», а зная или интуитивно понимая, что иначе что-то хорошее иссохнет или рухнет. В свое время Генеральный секретарь КПСС М. С. Горбачев, объясняя обществу существенное повышение окладов работникам партийных и других властных органов, заявлял, что у них должна быть возможность «пригласить на работу» кандидата или даже доктора наук. На деле обошлись едва ли не единичными примерами прихода тех, кого «грозились» пригласить. Кроме народных и не вполне народных депутатов, типа Собчака. В постсоветской России продолжали заботиться, как известно, не столько об ученых и вузовских работниках, сколько о все растущей численно номенклатуре («чтобы не воровала»). И никого «чужих» туда не приглашали. Не таких уж, впрочем, и чужих, ведь в вузах им преподавали управление, экономику и философию, точные науки. И вряд ли наши управленцы все как один превзошли своих учителей (как Державина Пушкин). Ученых во власти почти не прибавилось, а количество обладателей ученых степеней заметно возросло. Президент России В. В. Путин еще на своем первом президентском сроке сетовал в телеэфире на «жесточайший кадровый голод» в органах власти. Но «отделов кадров» там, как и следовало ожидать, не появилось. Так может быть попробовать усилить наши властные структуры, их качество работы, репутацию приливом в них научных кадров? Неужто будет хуже, чем сейчас? Чиновничья Россия не дает ответа, только цепко держится за власть. Может,

быть, прививка «меритократии» нашему госаппарату все же здесь поможет. Конечно, большинство в этих обстоятельствах во власть не пойдет, но кого-то это воодушевит, придаст силы. Где наши «двадцатипятитысячники»? Пусть дерзнут стать «рабами на галерах». Может, кому-то надоело в их научной резервации на кафедрах и есть желание, задор что-то поменять. Говорят, что власть не просят – ее берут, но ведь мы цивилизованные люди, и сначала надо попросить.

Таким образом, почти тысячелетняя, в том числе двухсотлетняя российская, история ученых регалий достойна дальнейшего славного продолжения. И пусть она сейчас переживает не лучшие времена, будем оптимистами, конечно критическими оптимистами, и приложим все силы, весь свой творческий потенциал и вдумчивость, гражданскую ответственность и мужество, содействуя истинному развитию российской науки.

Источники

1. История философии и методология науки / под ред. В. В. Егорова, Н. М. Лазаревой. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2009.
2. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1890–1907.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М. : Советская энцикл., 1983.
4. Московский университет в воспоминаниях современников / сост. Ю. Н. Емельянов. М. : Современник, 1989.
5. Кумок Я. Карпинский. М. : Молодая гвардия, 1978.
6. Егоров В. В. Наглядные образы в менталитете общества. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2000.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B10_14p/Main.htm.
8. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах. М. : Музыка, 1965.